

П.И. Бирюков

Л.Н. Толстой, биография

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.И. Бирюков**
Л.Н. Толстой, биография: Том 2 / П.И. Бирюков – М.: Книга по Требованию,
2019. – 678 с.

ISBN 978-5-517-99351-9

ISBN 978-5-517-99351-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Введение

Какъ и передъ писаніемъ перваго тома, я снова остановился въ нерѣшительности, когда принялся за перо. Меня пугала непропорціональность моихъ силъ съ громадностью и важностью предпринятой работы. Только поборовъ въ себѣ всѣ соблазны самолюбія, готовый на всяческое осужденіе, я наконецъ рѣшился продолжать начатую работу. Я знаю, что, несмотря на всѣ недостатки ея, я совмѣщаю въ себѣ нѣсколько благоприятныхъ условій, которыя, быть можетъ, болѣе не повторятся.

Это продолженіе моей работы описанія жизни Льва Николаевича Толстого происходило при нѣсколько иныхъ условіяхъ, чѣмъ составленіе перваго тома. Во-первыхъ, мнѣ были болѣе доступны русскіе источники; во-вторыхъ, менѣе отдаленное время жизни Л. Н—ча дѣлало, конечно, болѣе легкимъ собираніе матеріала. Но, съ другой стороны, условія измѣнились и въ неблагоприятную сторону. Во-первыхъ, я приступалъ къ описанію того періода жизни Л. Н—ча, о которомъ онъ самъ во введеніи къ своимъ воспоминаніямъ выражается такъ:

«Третій, 18-лѣтній періодъ, отъ женитьбы до моего духовнаго рожденія, который съ мірской точки зрѣнія можно бы назвать нравственнымъ, т.-е. въ эти 18 лѣтъ я жилъ правильной, честной семейной жизнью, не пре-

даваясь никакимъ осуждаемымъ общественнымъ мнѣніемъ порокамъ, но всѣ интересы котораго ограничивались эгоистичными заботами о семьѣ, объ увеличеніи состоянія, о приобрѣтеніи литературнаго успѣха и всякаго рода удовольствіями»¹⁾).

Описывать этотъ періодъ правильной, честной семейно-эгоистической жизни чрезвычайно трудно. Мало или вовсе нѣтъ выдающихся фактовъ. То, что въ матеріалахъ (письмахъ, замѣткахъ, разсказахъ) описывается какъ интересный фактъ, то большею частью носятъ характеръ чисто-семейный, интимный, и при выборѣ его всегда остается колебаніе, нужно ли опубликовывать этотъ фактъ или отнести его къ области частной, интимной жизни, не подлежащей опубликованію. Конечно, никто не проведетъ рѣзкой границы между двумя группами такого рода явленій. И проведенная мною черта далеко не безошибочна. Очень буду радъ, если меня кто-нибудь исправитъ въ интересахъ самого дѣла, въ интересахъ красоты и правды изображенія всѣмъ намъ дорогого лица.

Во-вторыхъ, двумя выдающимися фактами этого періода были написанія двухъ большихъ романовъ. Какъ бы ни были замѣчательны эти факты сами по себѣ, они представляютъ болѣе матеріалъ для литературнаго критика, чѣмъ для біографа.

Художественная, творческая работа выводитъ художника изъ области личной жизни и приобщаетъ его къ жизни міровой, и она ускользаетъ отъ взоровъ біографа. Съ другой стороны, и внутренняя субъективная работа художника не можетъ быть вполне доступна біографу; большею частью ему бываетъ открыта только подготовительная работа художника, самый же процессъ творчества навсегда и для всѣхъ остается тайной.

¹⁾ См. «Біографію», т. I. стр. 21.

Я сдѣлалъ попытку разсматривать эти факты какъ явленія жизни самого Льва Николаевича, освѣтивъ ихъ и съ его личной точки зрѣнія, насколько она мнѣ была доступна, и какъ явленія общественнаго характера, указавъ на главнѣйшія черты того броженія, которое вызывало въ обществѣ читателей и критиковъ появленіе этихъ великихъ произведеній. Конечно, и тутъ не обошлось безъ промаховъ, но я сдѣлалъ, что могъ.

Переходя къ періоду духовнаго кризиса, я остановился въ недоумѣніи передъ громадностью предстоящей мнѣ задачи, передъ тою отвѣтственностью, которую я беру на себя выставленіемъ этого огромнаго и глубокаго событія тою лишь стороною, которая видна моему несовершенному взору; но, не имѣя передъ собой болѣе опытнаго предшественника, я опять былъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать по способности и готовъ впередъ признать большое несовершенство моей работы.

Я постарался изъ имѣвшагося у меня подъ руками матеріала выбрать все наименѣе извѣстное, которое бы дополнило то, что уже извѣстно, что повѣдалъ самъ авторъ въ своей неподражаемой «Исповѣди», чтобы картина душевной жизни со всѣми ея страданіями и радостями стала, если возможно, еще ярче, еще рельефнѣе и самый моментъ, изображаемый ею, освѣтился бы съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. И тутъ я, конечно, остановился въ безсиліи объективнаго наблюдателя, которому закрыты тайны субъективнаго сознанія, и только лишь большая, сердечная близость предмета изслѣдованія могла дать мнѣ нѣкоторый ключъ къ пониманію тайны этого процесса.

Наконецъ, едва ли не самой трудной задачей этого тома было изображеніе ближайшихъ моментовъ жизни Л. Н.—ча 80-хъ годовъ, отчасти вслѣдствіе свѣжести ихъ въ воспоминаніяхъ всѣхъ живущихъ людей, отчасти вслѣдствіе того, что какъ разъ въ эти годы началась борьба Л. Н.—ча съ окружающею его обстановкою преж-

ней жизни, — борьба, вызванная его душевным переломомъ.

Пользуясь разрѣшеніемъ графини и близкихъ Л. Н—чу родственниковъ и друзей, я получилъ доступъ къ ихъ семейнымъ архивамъ и прочелъ всю переписку за эти годы. И тутъ опять я много разъ останавливался въ недоумѣніи передъ тѣмъ, гдѣ провести черту между тѣмъ, что можно и чего нельзя опубликовывать. Много подводныхъ камней пришлось мнѣ обходить въ моихъ изысканіяхъ. Но я надѣялся на моего надежнаго руководителя: любовь къ правдѣ и любовь къ тѣмъ, чьи отношенія мнѣ приходилось изображать. И теперь я вѣрю, что эта любовь благополучно вывела меня изъ опасностей и дала мнѣ возможность сказать правду, не причинивъ боли тѣмъ, кто съ душевными страданіями принималъ живое участіе въ описываемыхъ событіяхъ.

Я не отчаиваюсь докончить свою работу и постараюсь рѣшить еще болѣе трудную задачу, — довести жизнеописаніе великаго старца до нашихъ дней, и, окончивъ 2-й томъ, приступаю къ составленію третьяго.

Я прилагаю дополнительный списокъ источниковъ и литературы, которыми мнѣ пришлось пользоваться специально для этого 2-го тома, кромѣ уже поименованныхъ въ 1-мъ. Принимая то же дѣленіе библиографіи на три отдѣла, я отношу къ третьему отдѣлу всѣ литературно-критическія статьи, какъ не имѣющія непосредственнаго біографическаго значенія.

Иностранными источниками, какъ и при составленіи перваго тома, мнѣ пришлось пользоваться очень мало. Только съ начала 80-хъ годовъ имя Л. Н—ча Толстого начинаетъ занимать видное мѣсто въ европейской литературѣ. И потому списокъ иностранной библиографіи я намѣренъ приложить къ третьему тому.

Къ сожалѣнію, этотъ періодъ жизни нельзя было иллюстрировать такимъ количествомъ рисунковъ, какъ періодъ перваго тома. Я собралъ, что было можно, и отдаю себя на судъ читающей публики, прося снова помощи и указанія какъ для продолженія и окончанія начатой работы, такъ и для болѣе совершенной переработки уже сдѣланнаго мною.

Да будетъ образъ 80-лѣтняго старца, зовущаго насъ къ обновленію жизни, тѣмъ источникомъ свѣта и тепла, который согрѣетъ и освѣтитъ холодные и темные углы нашего тяжелаго времени, хотѣлось бы сказать уже пережитаго.

Кострома.
11-го января 1908 года.

П. Бирюковъ

Р. С. Въ этомъ новомъ берлинскомъ изданіи второй томъ является значительно дополненнымъ новымъ матеріаломъ. Третій томъ вышелъ у меня значительно больше другихъ. Для болѣе равномернаго распределенія, мнѣ пришлось отдѣлить 6 главъ третьяго тома и присоединить ихъ къ концу 2-го тома. Другихъ перемѣнъ въ этомъ новомъ изданіи нѣтъ. Къ сожалѣнію разобъщеніе съ Россіей лишаетъ меня возможности иллюстрировать это издаеіе такъ, какъ бы этого хотѣлось и какъ то позволяетъ совершенство нѣмецкой техники. Надѣюсь пополнить этотъ пробѣлъ въ слѣдующемъ изданіи.

Берлинъ, 1920 г.

П. Б.

Часть первая

Періодъ «Войны и мира»

ГЛАВА I

До «Войны и мира»

Мы оставили Льва Николаевича и Софью Андреевну въ Ясной Полянѣ, куда они удалились послѣ свадьбы, веселыхъ, бодрыхъ, жизнерадостныхъ. Судя по письму Льва Николаевича къ Фету, уже приведенному нами ¹⁾, онъ чувствовалъ дѣйствительное возрожденіе и полной грудью вдыхалъ новую, охватившую его, атмосферу семейной жизни.

Эта перемѣна условій жизни самого Льва Николаевича ведетъ за собой нѣкоторыя перемѣны въ окружающей его средѣ. Такъ, 15 октября онъ прекращаетъ школьныя занятія. Изданіе журнала «Ясная Поляна» тяготитъ его, журналъ опаздываетъ, и онъ рѣшается его прекратить. 18 октября 1862 года онъ пишетъ брату Сергѣю:

«На журналъ чуть-чуть тянется подписка, но по общему счету, который я сдѣлалъ на-дняхъ, журналъ принесетъ мнѣ 3000 убытку. Къ несчастью, получилъ я на-дняхъ двѣ статьи недурныя, которыя можно напечатать, такъ что съ небольшимъ трудомъ я дотяну до 63 года, но подписки на будущій годъ не дѣлаю и продолжать не буду журнала, а ежели будутъ набираться матеріалы, то буду издавать сборникомъ, просто книжками, безъ всякаго обязательства». .²⁾

¹⁾ См. первый томъ біографіи, стр. 543.

²⁾ Архивъ Льва Николаевича Толстого.

19 декабря онъ кончаетъ 1-ую часть «Казаконъ» и сдаетъ ее по уговору Каткову, который и помѣщаетъ эту чудную повѣсть въ январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1863 годъ.

5-го января Левъ Николаевичъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Счастье семейное поглощаетъ меня».

Одного этого выраженія достаточно, чтобы охарактеризовать все тогдашнее состояніе Льва Николаевича.

Софья Андреевна также была вполне счастлива и такъ выражала это въ письмѣ своему другу молодости, А. М. Кузминскому, будущему мужу ея сестры. Ей казалось почему-то удобнѣе высказать это по-французски, хотя все письмо написано по-русски:

«... Mariez-vous, rendez votre épouse heureuse, et demandez lui ce qu'elle pense et ce qu'elle sent, alors vous comprendrez ma vie et mon bonheur...»¹⁾.

Но это «поглощеніе счастьемъ» не могло продолжаться долго именно въ силу той интенсивности, съ которой Л. Н. отдавался всякому чувству. Вскорѣ счастье омрачается нѣсколькими, правда, мимолетными, несогласіями, и гармонія снова восстанавливается.

15 января Л. Н.—чѣ записываетъ въ своемъ дневникѣ:

«... Мы дружны. Послѣдній раздоръ оставилъ маленькіе слѣды (незамѣтные) или можетъ быть время. Каждый такой раздоръ, какъ ни ничтоженъ, — есть надрывъ любви. Минутное чувство увлеченія, досады, самолюбія, гордости — пройдетъ, а хоть маленькій надрѣзь останется навсегда и въ лучшемъ, что есть на свѣтѣ, — въ любви».

8 февраля: «. Мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, такъ ее люблю!»²⁾.

¹⁾ Женитесь, сдѣлайте счастливой вашу жену и спросите у ней, что она думаетъ и чувствуетъ, тогда вы поймете мою жизнь и мое счастье. (Архивъ Т. А. Кузминской.)

²⁾ Архивъ Льва Николаевича Толстого.

Мы видимъ изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, какъ бережно, какъ сознательно относился Л. Н—чь къ своему новому чувству, какъ будто онъ боялся потерять его, стать недостойнымъ этого священнаго огня, загорѣвшагося въ немъ и освѣтившаго своимъ свѣтомъ всю внутреннюю жизнь и окружающую обстановку.

И все-таки во всемъ этомъ увлеченіи постоянно слышится нотка анализа, сомнѣнія, не дающая ему испытать полного счастья — самозабвенія, котораго ему такъ хотѣлось, и въ обладаніи которымъ онъ такъ старался увѣрить себя.

И это сомнѣніе, это неудовлетвореніе, помимо его воли, быть можетъ, выразилось въ его художественныхъ твореніяхъ.

Вскорѣ послѣ женитьбы Л. Н—чь началъ писать «Войну и миръ».

Въ 6-ой главѣ 1-ой части, написанной въ концѣ 63 года или началѣ 64 года, т.-е. черезъ годъ съ небольшимъ послѣ свадьбы князь Андрей такъ говоритъ Пьеру:

«— Никогда, никогда не женись, мой другъ! Вотъ тебѣ мой совѣтъ: не женись до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлалъ все, что могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбралъ, пока ты не увидишь ея ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись старикомъ, куда не годнымъ . . . А то пропадетъ все, что въ тебѣ есть хорошаго и высокаго. Все истратится по мелочамъ. Да, да, да! Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Ежели ты ждешь отъ себя чего-нибудь впереди, то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто, кромѣ гостиной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворнымъ лакеемъ и идиотомъ . . . Да что . . .

«Онъ энергически махнулъ рукой.

«Пьеръ снялъ очки, отъ чего лицо его измѣнилось,

еще болѣе выказывая доброту, и удивленно глядѣль на друга.

«— Моя жена, — прибавилъ князь Андрей, — прекрасная женщина. Это одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, съ которою можно быть покойнымъ за свою честь. Но, Боже мой, чего бы я не далъ теперь, чтобы не быть женатымъ! Это я тебѣ одному и первому говорю, потому что я люблю тебя»¹⁾.

Чувство органической зависимости отъ жены, отъ семьи, Л. Н.—чѣ прекрасно выражаетъ въ «Аннѣ Карениной», описывая первое время женитьбы Левина и Кити.

Когда Кити сдѣлала ему сцену ревности, потому что онъ опоздалъ на полчаса домой, Левинъ, говоритъ Л. Н.—чѣ, «тутъ только въ первый разъ ясно понялъ, чего онъ не понималъ, когда послѣ вѣнца повелъ ее изъ церкви. Онъ понялъ, что она не только близка ему, но что онъ теперь не знаетъ, гдѣ кончается она и начинается онъ. Онъ понялъ это по тому мучительному чувству раздвоенія, которое онъ испытывалъ въ эту минуту. Онъ оскорбился въ первую минуту, но въ ту же секунду онъ почувствовалъ, что онъ не можетъ быть оскорбленъ ею, что она была онъ самъ. Онъ испыталъ въ первую минуту чувство, подобное тому, какое испытываетъ человѣкъ, когда, получивъ вдругъ сильный ударъ сзади, съ досадою и желаніемъ мести обращивается, чтобы найти виновнаго, и убѣждается, что это онъ самъ нечаянно ударилъ себя, что сердиться не на кого и надо перенести и утишить боль»²⁾.

Въ другой разъ Левинъ, раздосадованный тѣмъ, что Кити увязалась за нимъ въ его поѣздкѣ къ умирающему брату, въ ужасѣ восклицаетъ:

«— Нѣтъ, это ужасно. Быть рабомъ какимъ-то!

1) Полн. собр. соч. Льва Николаевича Толстого. Изд. 10-е, т. V, стр. 48.

2) Тамъ же, т. X, стр. 372.